

Осень – странная пора... Выражение, не подкупающее своей новизной, но ничего более подходящего для определения этого времени года я, как ни старалась, до сих пор подобрать так и не могла... Почему-то не всегда понимаешь, что кончается лето, но сразу замечаешь, как начинается осень... Выходишь из дома, повесив на сумку лёгкую куртку – ну да, ночью будет всего плюс семь, и если ехать домой поздно, то без куртки можно замёрзнуть, но твёрдо знаешь, что завтра днём плюс 17 или, если, как обычно, врёт наш Гидрометцентр, то все 19, и значит, всё ещё продолжается лето, хотя на календаре начало сентября... В делах и заботах проносишься по улице – всё нормально, всё привычно, листья ещё зелёные и ветер не холодный, и на лавочках в парке парочки по-прежнему пьют холодное пиво, и значит, ничего не изменилось, и ничего не предвещает беды – наступления осени...

Но в один прекрасный день (или не прекрасный, нужное выбрать) ты выходишь из дома чуть раньше: какая-то встреча, которая принесёт тебе, может быть, какие-то дивиденды в виде разноцветных бумажек, вносящих комфорт в существование всего человечества, и начинаешь двигаться не той дорогой, по которой привычно ходишь ежедневно. И вдруг понимаешь, что весь асфальт под твоими ногами засыпан жёлто-красной листвой, что воздух прозрачен и не по-летнему свеж, что людей на лавочках гораздо меньше, чем бывало обычно, и дворники в ярко-оранжевых жилетах исступлённо собирают в мешки не разбросанные бычки и бутылки, а скорченных и скукоженных детей деревьев... Осень – внезапно понимаешь ты и поднимаешь глаза к небу... А там по-прежнему светит солнце... Но уже не по-летнему... Уже по-осеннему...

В такие дни случаются странные вещи... В странную пору и должны, наверное, случаться странные вещи... На то она и странная пора...

Телефонный звонок раздался рано утром, когда я ещё валялась в кровати, пытаюсь оттянуть окончательное пробуждение ещё на пятнадцать минут. Утренняя нега под одеялом – что может быть лучше...

– Я слушаю, – сонным голосом сказала я.

Я ждала и не ждала этого звонка три года. Звонил риелтор, который мне радостно сообщил, что на нашу квартиру нашёлся покупатель, и теперь нам обоим необходимо вернуться в тот город, из которого мы когда-то сбежали в поисках лучшей доли, лучшего места, лучшей жизни, лучших людей...

– А?.. – я даже не успела задать вопрос.

– Я уже звонил ему. Он завтра вылетает.

– Хорошо, – сказала я. – Я буду там завтра.

Я утрясала с работой, я заказывала билет на самолёт, я собирала сумку, прикидывая, что из вещей мне может пригодиться, я пила коньяк в кафе аэропорта, я покупала книжку в книжном киоске, я стояла в очереди на посадку, и всё это время в моей голове не было ничего, кроме одной-единственной мысли: неужели... неужели ты действительно приедешь??? И это не сон, и не обман, и не телевизионный розыгрыш, неужели я действительно увижу тебя не на фотографии, не на видеозаписи, не во сне...

Самолёты – странные птицы. Когда ты едешь на поезде, у тебя есть время, чтобы подготовиться к тому, куда ты едешь. Ночные разговоры с попутчиками, обязательное пиво с сигаретой в тамбуре, проносящийся мимо пейзаж... Ты понимаешь, что мимо тебя пролетают время и пространство, под мерный стук колёс ты наблюдаешь за окном кучу всевозможных мест, в которых ты никогда не был, и в которые ты вряд ли уже когда-то попадёшь, хотя... чем не шутит судьба, но определение судьбы у тебя давно

уже сложилось, и ты смотришь на все её выкрутасы достаточно спокойно, если даже не сказать фатально, никто не застрахован от слова «случается», так же, как от слов «всегда» и «никогда»... В самолёте всё проще и сложнее... За три часа лёта ты успеваешь съесть принесённый стюардессой завтрак (обед, ужин, нужное выбрать), выпить из пластикового стаканчика немного красного вина (белого вина, коньяка, водки, нужное выбрать) почитать только что купленную книжку (газету, журнал, нужное выбрать) и, если получится, то чуть-чуть подремать в кресле или поболтать с назойливым соседом (соседкой, ребёнком, нужное выбрать)... Но ты никак за эти три часа, даже при наличии безудержной фантазии, не можешь отчётливо представить того, что внизу, где-то там, под тобой, пролетает время и пространство, что где-то там остаются прелести и недостатки всех городов, в которых ты никогда не был, и в которые вряд ли ты уже попадёшь, хотя чем не шутит судьба... И когда через три часа ты сходишь с трапа самолёта в аэропорту города, который ты бросил и в который ты поклялся не возвращаться никогда, тебе почему-то кажется, что тебя обманули...

Мой самолёт прилетал поздно вечером. Цены на такси мне показались настолько смешными по сравнению с московскими, что я без раздумья села в первую же попавшуюся машину и назвала шофёру гостиницу, название которой ещё не забыла. Осенью нет проблем с местами. Я это знала точно. И не ошиблась. Конечно, я могла остановиться у друзей, которых у меня оставалось много, я поддерживала с ними связь, иногда перезваниваясь, иногда принимая их у себя в Москве, но этой ночью мне хотелось побыть одной. Побыть одной перед встречей, которую я так ждала и которой так боялась все эти три года...

Мы ехали по расцветенным фонарями улицам города, который родил меня и вырастил, я старательно рассматривала через окно машины и дым сигареты проносящиеся мимо пейзажи: город был тот и не тот... Он словно вырос за моё отсутствие, стал

выше, красивее, уверенней, он из угловатого подростка превратился в красивого юношу, который в недалёком, совсем недалёком будущем станет потрясающим мужчиной, надо только достойно пройти школу выживания в эти оставшиеся несколько лет...

Гостиница не поражала роскошью – тишина в коридорах, заспанный администратор.

– Двое суток, сказала я. – А потом посмотрим.

На этаже, к моему удивлению, работал буфет, и я купила себе бутылку полусладкого вина и минералки с газом. Прошла в номер, бросила сумку и открыла балконную дверь. С четырнадцатого этажа город казался загадочным и манящим. И почему-то очень обнажённым... Мне стало неловко, как будто я подсматриваю за спящим человеком, который только-только сладко заснул и не подозревает, что за ним наблюдают... Город спал очень красиво, свернувшись в спираль гирляндами трасс, укутанный лёгким одеялом из полупрозрачных облаков, подсвеченных матовым светом ночника-луны. «Полнолуние», – отметила я и глотнула из бокала вино, разбавленное минералкой. Вкус был трёхлетней давности... Чего и следовало ожидать... Почти до пяти утра я просидела на балконе, впитывая всем телом звенящую тишину спящего города... Я боялась ложиться спать... Я боялась увидеть тебя во сне... Я представляла себе, как ты точно так же стоишь на каком-нибудь из балконов нашего города, куришь, пьёшь вино (пиво, коньяк, мартини, нужно выбрать) и думаешь о том, что где-то сейчас в этом городе нахожусь я... Мы не виделись три долгих года, хотя может быть, это только для меня они были долгими, но мне так не хотелось разрушать эту свою иллюзию, навеянную то ли самолётом, то ли гостиницей, то ли городом, то ли судьбой...

Я задремала, когда на спящий город пролился свет восходящего солнца. Город потянулся и медленно стал просыпаться, мне стало стыдно за своё невольное подглядывание, бутылка вина

кончилась, и мои глаза стали слипаться сами собой. А в десять утра зазвонил мой мобильный телефон. Я бросила сонный взгляд на дисплей. Номер мне ни о чём не говорил. Я только поняла, что он не московский и не местный. Я проснулась сразу же. Словно и не было этой бессонной ночи. Я знала, что это звонишь ты.

– Слушаю, – сказала я.

– Привет, – сказал ты, и у меня возникло полное ощущение, что не было этих трёх лет, что ты просто вышел куда-то и сейчас поднимешься ко мне на четырнадцатый этаж, потому что вчера мы решили провести ночь в гостинице просто потому, что нам так захотелось...

Наши иллюзии разбиваются ещё легче, чем рождаются. Ещё быстрее.

– Нам с тобой нужно встретиться. Я договорился с риелтором на два часа дня.

– Конечно, – сказала я. – Где и когда?

– На Пушкинской площади, – сказал ты. – Через час. У фонтана. Устроит?

– Да, – сказала я. – До встречи...

От гостиницы, в которой я остановилась, до Пушкинской площади было пятнадцать минут пешком.

Вокруг фонтана было много людей. Но я увидела тебя сразу. Ты сидел на бордюре, поджав, как обычно, под себя одну ногу, и курил. Я шла к тебе навстречу и не чувствовала своего тела. Тщательно одетый и покрашенный зомби двигался к тебе, старательно пытаясь не замедлить шаг. Мозг отдавал команду телу, но тело не хотело слушаться, и ноги были ватными, как театральные куклы.

– Ну, здравствуй, – сказал ты, поднялся с бордюра и легко коснулся моей щеки холодными губами.

– Здравствуй, – сказала я, напрасно пытаюсь отвести глаза, чтобы не смотреть, не смотреть, не смотреть!!! Чтобы не видеть новую морщинку, появившуюся у тебя между бровями, чтобы

не заметить синеву кругов под твоими зелёными глазами, чтобы не констатировать радостно (грустно, настороженно, придиричиво, нужное выбрать) твой бледный вид, совсем не вяжущийся с видом довольного жизнью человека... И чтобы не заплакать, не заплакать, не заплакать...

– Пойдём? – спросил ты.

– Куда? – я наконец-то смогла отвести взгляд.

Ты пожал плечами.

– Я не был здесь три года. Но, думаю, в этом городе найдётся кафешка или ресторанчик, где мы сможем спокойно посидеть и поговорить.

– Думаю, найдётся, – сказала я.

И мы пошли.

Ты шёл рядом со мной, такой близкий и одновременно далёкий, а я вдруг поняла, что вокруг нас странная осень... Дворники, которые собирают листву, небо, которое звучит минором, деревья, прекрасные в своём... не увядании, нет, в своей предзимней красоте... И город... Наш город... Который когда-то мы так отчаянно бросили...

– Расскажи мне, как ты живёшь? – ты повернулся ко мне, и твои глаза оказались так привычно, чуть выше...

– Живу, – усмехнулась я. – Работаю на телевидении, веду свою программу. Купила квартиру, всё нормально, в общем.

– Замуж не вышла? – ты спросил это так, походя.

– Нет, – сказала я. – Некогда. Да и не за кого.

– Я был уверен, что такая женщина, как ты, не останется надолго одна.

– А кто тебе сказал, что я одна?

– Ах, ну да, – теперь усмехнулся ты. – По количеству любовников ты всегда могла дать фору любой...

– Ты решил встретиться со мной, чтобы говорить мне гадости?

– Прости... Вырвалось... Какое мне, собственно, дело теперь...

Какое тебе, собственно, дело теперь... Какое мне, собственно, дело теперь... Я сглотнула комок.

– А ты? Как ты?

– Собственная студия в Аахене. Записи, заказы, клиенты... Жена. Дочка.

Внутри меня всё оборвалось... Жена... Дочка... Ну, собственно, а что я хотела... Я хотела... Я хочу...

– Расскажи, – попросила я. – Что пишешь?

– Да разное бывает, – ты сел на своего любимого конька. О музыке ты мог говорить бесконечно. – Рэперы, рокеры, попса всякая... Такого порой наслушаешься – уши вянут...

– А сам?

– Что сам? – ты явно разозлился. – Музыку не пишу давно, времени нет... Это же как маховик, крутится, крутится и намаывает. Каждый час стоит денег. Час простоя – в минус. Аренду надо платить, за дом тоже нужно выплачивать, налоги, кредиты...

– Понятно...

– Ничего тебе не понятно!

Ничего мне не понятно... Ничего. Ничегошеньки...

Я остановилась.

– Грэй, я не хотела тебя обидеть...

«Грэй» вырвалось само собой. Когда-то давно, полжизни назад, мы в шутку называли друг друга Ассолью и Грэем. Банально, романтично, больно...

Ты вздрогнул. Или мне это только показалось? Иногда мы выдаём желаемое за действительное... И это происходит гораздо чаще, чем нам бы этого хотелось.

– Я бы что-нибудь выпил, – сказал ты.

И я вдруг поняла, что мы с тобой стоим у входа в Центральный музей изобразительных искусств, на балконе которого до сих пор существует летнее кафе в четыре столика, где

когда-то, давным-давно, во времена существования НАС, я работала официанткой.

– Зайдём?

По-моему, мы это сказали одновременно. Или мне это опять только показалось...

Мы сидели на балкончике и пили вино. Вернее, вино пила я, а ты с явным удовольствием потягивал «Миллер». И я смотрела на тебя, смотрела, смотрела, и мне снова казалось, что не было этих трёх лет, не было безумного одиночества, не было изнуряющей работы, которая спасала от этого безумного одиночества, не было этих нескончаемых ночей, этих бесконечных дней, не было этой Москвы... А были только мы и наш город... Всегда... Были и есть... И сейчас ты допьёшь пиво, я допью вино, и мы спустимся с этого балкона, купим по дороге ещё что-нибудь и пойдём домой...

– Я надеюсь, ты не будешь против, если деньги от продажи квартиры мы разделим пополам? – спросил ты.

«Да, кстати, о доме...»

– Я, конечно, понимаю, что большая часть из них твоя, но мне сейчас не помешает любая сумма... Арендаторы подняли плату, маленький ребёнок, и...

– Мне не нужны деньги, – сказала я. – Я подпишу всё, что нужно, и уеду.

Ты нахмурился.

– Я так не могу. Это нечестно.

– Грэй, не надо, мне не нужны эти деньги. Достаточно того, что мы сейчас с тобой об этом говорим. Жена, ребёнок, я всё понимаю... Не парься, – я даже смогла улыбнуться.

Ты хотел возразить, я это видела, но счёл лучшим поменять тему:

– Ты приезжала сюда?

– Нет, – помотала я головой. – За эти три года ни разу. А ты?

– Я тоже нет. Некогда было. Заметила, как изменился город?

– Да... Он стал забывать нас с тобой...

– По-моему, это мы стали его забывать...

Я отвела взгляд. Под балконом шли люди. Шли люди. Шли люди.

– Смотри! – мир вокруг выключился и стал серым. Как в чёрно-белом кино. Как в «Матрице». Шли чёрно-белые люди, а между ними, никого вокруг не замечая, шла странная пара. Длинноволосый и седовласый ОН, одетый в стильную рваную джинсу, держал за руку черноволосую худенькую ЕЁ, всю в фенечках и серебре... – Это они, – прошептала я. – Помнишь?...

Когда-то давно, три тысячелетия назад, мы сидели на этом балкончике и впервые увидели эту пару. Ты тогда сказал, что когда-нибудь и мы с тобой пройдемся вот так по этой улице, по этому городу, и на нас будут смотреть люди, а мы не будем их видеть, потому что будем смотреть друг на друга и держаться за руки...

Твоё лицо дрогнуло. Или это мне опять только показалось...

– Есть в этом мире вещи непроходящие, – равнодушно сказал ты. – Пойдём, нас ждут у нотариуса...

– Послушай... – я спускалась за тобой по лестнице. – У нас же ещё есть время? Давай зайдём в нашу квартиру... Я не была там три года...

– Зачем? – удивился ты. – А впрочем, как хочешь...

Мы шли по нашему городу, и я всё никак не могла отделаться от мысли, что до сих пор воспринимаю тебя и меня, как МЫ. Это было неправильно, это было не по-настоящему, это было больно... Но это было... Мы шли мимо нашей школы, в которой когда-то сидели за одной партой, мы шли через детский садик, в который когда-то, сбегая с уроков, бегали курить, мы шли по старой улице, мимо колонки, на которую когда-то ходили за водой, мы шли мимо древней церкви, в которую когда-то кидались снежками, мы шли по нашему прошлому, которое за всё это время не перестало быть нашим, а под ногами разноцветно хрустели красно-жёлто-зелёные листья этой странной осени...

Мы подошли к дому. Он оказался на удивление маленьким. Я поразилась этому до глубины души. Дом, в котором мы оба выросли, всегда казался мне большим, как Вселенная, а теперь он совсем затерялся в многочисленных высотках, выросших справа и слева. Он словно просел, согнулся, как старый дед, даже окна, отражая солнечный свет, выглядели подслеповато, как будто на них забыли надеть очки. Во дворе остались только качели. Выцветшие зелёные качели, вросшие в землю почти до основания...

– Прошу, – ты шутливым жестом приоткрыл передо мной дверь подъезда.

Я вошла и вдохнула знакомый с детства запах сырости подвала, борща у соседей и экскрементов кошки давно умершей бабушки с четвёртого этажа.

Прикрыла глаза и...

– Аська, чего стоишь! – ты, почёсывая разбитую коленку, другой рукой отчаянно тащил меня за подъездную дверь. – Прячемся, ну, сейчас Юрка искать пойдёт!!!

И тут же звонкий голос Юрки:

– Ага!!! Аська, Гришка!!! Я вас нашёл!!! Туки-та!!!

– Ищи остальных! – недовольно буркнул ты и повернулся ко мне. – Эх, ты!!! Больше не буду с тобой вместе прятаться!!!

Мы прятались вместе двадцать лет... Но не спрятались... Нас нашли и застучали... Туки-та...

Ты достал ключи первым. Меня очень подмывало спросить, носишь ли ты их всегда с собой, так, как это делаю я, но я не спросила. Не смогла...

Пустая квартира – жалкое зрелище. Пустая квартира, в которой три года жили квартиранты, – ещё более жалкое зрелище... Пустая квартира, в которой прошло десять счастливых лет жизни и в которую ты попадаешь после того, как три года в ней не был, и после того, как в ней жили квартиранты, – это уже не зрелище...

Это руины... Я ожидала всего, что угодно, но только не этого... Нет, не было развалин, не было ободранных обоев, не было сломанных вещей... Не было ничего... Это были руины не в прямом понимании этого слова... Это была не НАША квартира... Стены, пол, потолок, окна, рамы, балконная дверь... Я зацепилась взглядом за балконную дверь, потянула на себя шпингалет и вышла на балкон. Это было единственное место, где ничего не изменилось... И даже в углу балкона по-прежнему стояли санки. Старые деревянные санки, похожие на санки моего детства...

Я облокотилась на перила и закурила... Двор внизу оказался гораздо ближе, чем я помнила когда-то...

Твои шаги раздались у меня за спиной, я подвинулась, чтобы освободить тебе место. Но твои руки легли мне на плечи, ты коснулся губами моего уха и (Господи!!! Как я этого ждала все эти годы!!!) выдохнул осенним ветром: «А помнишь?..»

Я помнила твои руки, твои губы, твоё тело, я помнила твой запах, твои волосы, твои ресницы, я помнила каждую родинку, каждый вздох и выдох, каждое прикосновение, я помнила твой шёпот, твой стон, твой крик, я помнила безумие, безмолвие, безраздельность, я помнила сны, музыку, стихотворенья, я помнила утро, день, вечер, ночь, я помнила ветер, дождь, снег, солнце, я помнила ВСЁ... И в этот момент не помнила себя...

– Мы опаздываем, – сказал ты и дежурно поцеловал меня в щёку.

Риелтор не подвёл. Купля-продажа и подписание всевозможных документов улеглись всего в два часа.

– Тебя добросить до гостиницы? – спросил ты.

– Не нужно. Я доберусь сама.

Я шла по городу, и города не было. Были какие-то части, обрывки, обломки... Развороченный асфальт, открытые крышки

канализационных люков, обоссанные бомжи, полуснесённые дома... Город избавлялся от меня, как от ненужной конфетной обёртки... Конфету высосали и проглотили, а обёртка до сих пор носится, гонимая ветром, не понимая, куда её гонят и зачем... И над всем этим безобразием царила странная осень... И тогда я поняла, что безобразие тоже может быть прекрасным в своей изощрённой уродливости, доведённой до совершенства...

Я не плакала. Я не плакала. Я не плакала. Я взяла так и не разобранный сумку и поехала в аэропорт. Остаться в городе, которому я не нужна, было выше моих сил...

Мне повезло с билетом. Мне всегда везёт в этой жизни.

... – Грэй! – Ася замедлила шаг, поправила фенечку на руке и подняла голову вверх. – Смотри, вон там, на балкончике, в музее... Эта странная парочка очень похожа на нас... Как будто это мы, только лет десять назад, тебе не кажется?

Длинноволосый седовласый человек в стильной джинсе поднял голову и улыбнулся:

– Кажется. Только вид у них далеко не счастливый. И знаешь, какой-то приезжий...

Ася прижалась к мужу и звонко чмокнула его в щёку:

– И всё-таки хорошо, что мы тогда не уехали в Москву!

– Кто бы спорил?! – улыбнулся Грэй. – Ну что, забираем Ассоль из садика, а потом купим тебе вина и минералки, а мне «Миллер» – и на студию? Запись нашего альбома ещё никто не отменял. Даже такая прекрасная странная осень...

Москва, 28.09.2007